

В. Кошурников

Быт вотяков Сарапульского уезда

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 316
ББК 60.5
В11

В11 **В. Кошурников**
Быт вотяков Сарапульского уезда / В. Кошурников – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-16472-6

Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк члена-сотрудника Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии В. Кошуникова, штатного смотрителя Сарапульского уездного училища.

ISBN 978-5-458-16472-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Сарапульскихъ Вотяковъ была произведена въ 1717 году, а въ 1823 году они уже были привлечены къ отбыванію податной повинности. Почти одновременно съ этимъ началось и обращеніе ихъ въ православіе; отъ Казанской Конторы Иновѣрческихъ Дѣлъ посылались сюда миссіонеры, обязанные обращенныхъ изъ язычества Вотяковъ представлять для совершенія надъ ними таинства св. Крещенія въ Казань, а оттуда возвращать въ мѣста ихъ жительства черезъ провинціальную канцелярію. Принявшіе православіе Вотяки пользовались льготами,—освобожденіемъ отъ рекрутской повинности и отъ взноса податей. Кромѣ того они поручались попеченію опекуновъ изъ свѣтскихъ властей, обязанныхъ защищать ихъ отъ притѣсненій и обидъ своихъ необращенныхъ въ православіе единоплеменниковъ. Въ дѣлѣ обращенія къ православію Вотяковъ весьма много потрудился по Вятскому краю преосвящ. Веніаминъ, прибывшій въ Вятку въ 1739 г. Ему содѣйствовалъ при этомъ священникъ Ившинъ, который въ теченіи 7-ми лѣтъ обратилъ въ православіе 2000 человекъ. Первые двѣ церкви для новокрещенныхъ Вотяковъ Сарапульскаго края были построены около половины XVIII столѣтія, а именно въ селахъ Юскахъ и Дебесахъ. Послѣ этого обращеніе въ православіе шло довольно быстро и совершалось мирнымъ путемъ. Въ настоящее время Вотяковъ язычниковъ насчитывается не болѣе 100 въ Пургинскомъ приходѣ, и то благодаря неблагоприятнымъ условіямъ поселенія ихъ въ средѣ магометанъ.

II.

Вотяки Сарапульскаго уѣзда имѣютъ въ чертахъ своихъ много общаго съ народами финскаго племени. Они низкорослы, ниже средняго роста, приземисты и сутоловаты. Волосы на головѣ и бородѣ рѣдкіе и по преимуществу русые, хотя очень много встрѣчается рыжихъ. Лице по большей части блѣдноватое—покрыто рябинами и веснушками, лобъ узкій и сплюснутый нѣсколько назадъ; скулы нѣсколько выдавшіяся, глаза по преимуществу сѣрые и голубые, у молодыхъ свѣтлые и чистые, у старыхъ—сѣзвившіеся, мутные, слезащіеся, съ припухшими и покраснѣвшими вѣками,

вѣроятно отъ пребыванія въ дымныхъ чумахъ и отъ постоянного куренья трубки—носогрѣйки; у мужчинъ щеки впалыя, у женщинъ одутловатыя; подбородокъ у первыхъ продолговатый и заостренный, у вторыхъ толстый и закругленный. Вотяки флегматическаго темперамента, вялы и неповоротливы. Физической силой не обладаютъ и отличаются слабой мускулатурой, за что пользуются отъ русскихъ эпитетами *сухопарыхъ* и *тонконогихъ*. Не въ пользу Вотяковъ говоритъ и общее здоровье ихъ, ихъ продуктивная способность и долговѣчность. Плохое питаніе, въ силу исконной привычки пренебреженіе гигиеническими условіями, страсть къ спиртнымъ напиткамъ, къ куренію табаку и наконецъ нечистоплотность—производятъ между ними многія болѣзни, изъ которыхъ, по свидѣтельству врачей, болѣе распространены: ревматизмы, горячки, язвы, болѣзни кожи, трахома (*Trachoma*) слезистой оболочки глазъ и наконецъ сифилисъ, особенно способствующій слабому приращенію населенія.

Одежда Вотяковъ мужчинъ, зимой шерстяной *сукманъ* или зипунъ, овчинная шапка, лапти поверхъ онучъ и ременный, покрытый мѣдными бляхами, поясъ, съ скобой для вкладыванія топора и ножа, безъ которыхъ Вотяки нигде почти не выходятъ. Лѣтомъ—*шабуръ* изъ толстаго холста, или просто одна рубаха съ портами, напускаемая на поясъ, и низенькая шерстяная шляпа, у молодыхъ перевиваемая лентами яркаго цвѣта. Одежда женщинъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ, будничная—та же, что и у мужчинъ, только рубаха ихъ длиннѣе и вычурнѣе расшита узорами, да вмѣсто шляпы голова у дѣвицъ покрывается платкомъ, а у женщинъ полотенцемъ, концы котораго, обыкновенно расшитые красной бумагой, спускаются за спиной и запускаются за тканый поясъ съ кистями. Въ праздничные же дни онѣ наряжаются въ ситцевыя платья и передники; на головѣ замужнія женщины носятъ *аишонъ*—конусообразный берестяной тюрикъ, обшитый платкомъ, ушпанный со лба рядами серебряныхъ монетъ; на груди ожерелье изъ тѣхъ же денегъ. Дѣвицы носятъ тѣже девьги, въ сѣверной части уѣзда нанизываемыя просто на головномъ платкѣ со лба, и въ южной части на груди. Эти украшенія всегда даютъ возможность судить о степени зажиточности Вотяки, такъ какъ богатые стараются наѣшивать какъ можно больше

крупныхъ серебряныхъ монетъ, а бѣдные довольствуются часто оловянными круглыми привѣсками. Нарядная женщина или дѣвица всегда держитъ въ рукахъ платокъ, но только на показъ, такъ какъ обходится съ своимъ носомъ² посредствомъ пальцевъ и кулака.

Всѣ Вотяки имѣютъ, кромѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ службъ, два для себя помѣщенія: зимнее—избу (*корка*) и лѣтнее—чумъ (*квала*). Изба устраивается по образцу русскихъ избъ; чумъ же устройствомъ своимъ напоминаетъ кочевыя палатки номадовъ. Здѣсь нѣтъ ни полу, ни потолка, ни другихъ принадлежностей избы. Въмѣсто печи посрединѣ чума устраивается очагъ, гдѣ на двухъ сошкахъ виситъ котелъ для варенья пищи. Скопляющійся отъ костра дымъ проводится въ отверстіе на крышѣ. Избы, не говоря о чумахъ, Вотяки строятъ небрежно, въ пазахъ между бревнами часто замѣчаются большія сквозящія щели, отчего рѣдко можно встрѣтить теплую вотскую избу. Неопрятность въ содержаніи какъ зимняго, такъ и лѣтняго помѣщенія, поразительна. Отъ непромываемаго грязнаго пола, отъ привычки Вотяковъ не сдерживаться отъ извѣстныхъ животныхъ отпавленій, отъ содержанія въ избѣ поросятъ, телятъ, куръ и другихъ животныхъ—распространяется по избѣ сильный запахъ зловонья, ѣдкій для глазъ и нестерпимый для носа.

Само собой разумѣется, что здѣсь мириадами водятся паразитныя насѣкомыя, которыя кажется и выгоняютъ Вотяка изъ избы съ первыми весенними лучами солнца въ его чумъ.

Относительно содержанія въ чистотѣ своего тѣла Вотякъ не додумался еще до употребленія мыла, которое здѣсь мало извѣстно. Недаромъ говорится, что Вотякъ стѣлъ кусокъ мыла вмѣсто пряника. Вотячка и бѣлье чиститъ въ одной холодной водѣ: она беретъ деревянную ступку вмѣстѣ съ чернымъ бѣльемъ и несетъ все это на рѣчку; здѣсь полощетъ бѣлье въ водѣ, потолчетъ его пестомъ въ ступѣ—и довольно. Сами Вотяки моются также безъ мыла, развѣ зажиточные прибѣгаютъ къ нему, а дѣтей своихъ Вотячка моетъ обыкновенно такъ: беретъ ихъ съ собой на рѣку или прудъ, конечно только не въ зимнее время, снимаетъ съ нихъ рубашенки и, опустивъ по шею въ воду, сильно третъ руками все тѣло. Если вода холодна, то ребятишки ревутъ—ревомъ и, выскочивъ изъ воды, какъ дождь бѣгутъ домой

голыми и прямо на печь. Между тѣмъ мать остается здѣсь и моетъ скинутыя ими рубашенки. Правда, у Вотяковъ есть бани, но онѣ большею частью не достигаютъ своей цѣли и служатъ больше къ устраиванію въ нихъ посидѣлокъ для молодежи.

Въ пригоовленіи пищи и въ выборѣ ея здѣсь по-видимому не существуетъ понятія о чистомъ. Часто одно корыто служитъ какъ для приготовленія пищи, такъ и мытья половъ. Провизія, приготовляемая для варенья, не промывается, и кромѣ того до нея имѣютъ доступъ всѣ домашнія животныя, какія есть въ избѣ. Развѣ понаблюдеть хозяйка только за цѣлостію провизіи, а если собаки и кошки локали здѣсь, то это еще ничего. Таже неопрятность и при вареніи пищи. Хозяйка, стоя надъ столомъ, почесываясь и поплеывая въ сторону, мѣшаетъ варево палочкой и въ то же время употребляетъ эту палочку какъ орудіе для отравленія назойливой собаки или кошки.

Столъ Вотяка самый неприхотливый. Это по большей части одно блюдо—кашица изъ крупы, приправленная овощами, листомъ отъ него и травами; развѣ послѣ удачной охоты мужа Вотячка опуститъ въ котелъ бѣлку или зайца. О сочетаніи провизіи для приготовленія какогонибудь опредѣленнаго блюда здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Подвернулась рѣпа—кладется она въ гороховый супъ; подвернулась свекла—летитъ туда же и она. Все равно—было бы только погуще. Въ мясной пищѣ Вотякъ неразборчивъ: онъ ѣстъ рябчика и тетерева, но не брезгаетъ ястребомъ, филиномъ и совой. Многіе ѣдятъ даже не оперившихся птенцевъ—скворцовъ и воробьевъ. Лишь послышался пискъ ихъ въ скворечникѣ, какъ безжалостная рука исхитила уже ихъ изъ родного пепелища и опустила въ котелъ—благо тутъ и чистить нечего. Большой же запасъ мяса вызываетъ въ хозяинѣ щедрость и благодушіе: онъ сейчасъ созываетъ гостей и угощаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ всю провизію—черта, присущая всѣмъ полудикимъ народамъ и сохранившаяся у Вотяковъ, конечно, по преданію.

Впрочемъ въ домашнемъ обиходѣ найдется еще много кочевыхъ привычекъ Вотяка и неумѣнья приладиться къ русскимъ порядкамъ. Такъ, хотя Вотячка и печетъ квасной хлѣбъ, обыкновенно бессолай и пополамъ съ мякиной, но въ тоже время охотно замѣняетъ его прѣсными лепешками,

памазываютъ сверху простоквашей или тѣстомъ, замѣшаннымъ на крови животнаго (*табанъ*). Хотя она и умѣетъ уже готовить нѣкоторую провизію въ прокъ, напр. капусту, но въ то же время не имѣетъ понятія о приготовленіи коровьяго масла, не имѣетъ понятія о сохраненіи въ зимнее время молока и яицъ; то и другое она замораживаетъ, вливая молоко удой за удоемъ въ одинъ сосудъ, а яйца предварительно выпустивъ въ какую нибудь посудину.

Вотячки трудолюбивыя рукодѣльницы, но по чистотѣ работъ своихъ не могутъ сравняться съ русскими. Холсты ихъ обыкновенно толсты, темны и узки. Пестрядинныхъ тканей онѣ вовсе не готовятъ, за то довольно искусно ткутъ такъ называемыя *ковры* — *платки*, пришиваемыя къ *айшонамъ*. Узоры на приготовляемыхъ ими работахъ не симметричны и ограничиваются только затканіемъ цвѣтныхъ нитокъ на полотенцахъ и рубашкахъ. Въ нарядахъ своихъ Вотячки избѣгаютъ яркихъ цвѣтовъ; любимые ихъ цвѣта лиловый, сиреневый и коричневый. Между тѣмъ рождаются молодыя дѣвушки любятъ и съ удовольствіемъ за нѣсколько полотенцевъ своей работы вымѣниваютъ ситцевые лоскутья и различныя мишурныя погремушки въ родѣ серегъ, бусъ и колецъ. Нужно видѣть, съ какимъ любопытствомъ каждая дѣвушка подходитъ къ другой, если увидитъ на ней что—нибудь новое. Глаза ея разбѣгаются и горятъ, а рука непрерывно ощупаетъ каждую мелочь. Начинаются улыбки, прищелкиванья языкомъ, покачиванье головой и чуть не лобызанье разсматриваемыхъ нарядовъ. При этомъ такъ и хотѣлось бы сказать: „Дѣти природы, не трогайте этихъ затѣй роскоши и тщеславія, вы слишкомъ еще просты и доврчивы, чтобы не запутаться въ этихъ красивыхъ, но крѣпкихъ сѣтяхъ“. Кстати о нравахъ ихъ. Мы сказали, что дѣвушки Вотячки собираются для работъ въ баняхъ. Здѣсь онѣ сначала чинно и скромно сидятъ за своими работами, изрѣдка между собою переговариваясь, или напѣвая подъ носъ свои импровизаціи. Но вотъ уже за вечерѣло. Одинъ по одному собираются сюда вотскіе ловеласы, и даже русскіе, съ виномъ и кумышкой, съ гуслями или балалайкой подъ полой. Начинаются дружественныя привѣтствія, пѣсни, заигрыванья и угощенье спиртными напитками. Дѣвушки сначала робко принимаютъ чашки съ хмѣльными на-

питками, но потомъ набираются скоро храбрости и напиваются допьяна, тѣмъ болѣе, что та и слыветъ здѣсь молодцемъ—дѣвкой, которая больше другихъ выпьетъ. Теперь молодежь, одинъ по одному, выбираютъ изъ бани за околицу. Часть осталась еще въ банѣ, но огонь уже погашенъ. Закроемъ и мы эту грустную и тяжелую сцену темной завѣсой. Не даромъ же Вотякъ воспѣлъ баню въ полурусскихъ въ полувотскихъ виршахъ:

*„Вечерь баня топился,
Ой косарымъ, косарымъ стѣно носилъ косарымъ.
Къ себѣ вода носилъ,
Ой косарымъ, косарымъ“ и т. д.*

Кромѣ того такіа же сходбища бываютъ и въ большіе православные праздники. Молодежь по всей деревнѣ въ теченіи цѣлой недѣли переходитъ изъ избы въ избу для плясокъ, пѣнья пѣсенъ и при этомъ сильно упивается виномъ и кумышкой.

Нельзя сказать, чтобы не раздавался по этому случаю грозный голосъ пастырей церкви, но пока безуспѣшно: да и можно ли искоренить скоро то, что освящено исконнымъ обычаемъ цѣлаго народа.

Съ выходомъ въ замужество Вотячка бросаетъ прежнюю вольную и безупречную жизнь и становится вѣрною подругою мужа,—говорю подругою, потому что здѣсь женщина не испытываетъ семейнаго разлада и приниженаго положенія, какъ это бываетъ въ русской крестьянской семьѣ; она несетъ свою ношу трудовъ, правда тяжелую, подъ говоръ и ласки добраго мужа, а такая ноша едва—ли можетъ быть обременительна. Дѣтей своихъ Вотячка любитъ и лелѣетъ ихъ на сколько возможно; она не оставитъ ихъ дома безъ призрѣнія въ страдное время, какъ дѣлаютъ это русскія крестьянки, а усадивъ ихъ въ коробъ, несетъ за плечами въ поле, гдѣ успѣваетъ и ухаживать за ними и работать. А посмотрите, какъ заливаются горячими слезами эта вѣжная мать, когда умираетъ ея ребенокъ; посмотрите, какъ заботливо прячетъ она въ лубяной его гробикъ всѣ простыя игрушки и соску, какъ ломаетъ она руки,—и у васъ невольно сожмется сердце. Впрочемъ любовь къ дѣтямъ раздѣляется и отцами. Русскій крестьянинъ не имѣетъ привычки нянчиться съ своими дѣтьми; онъ смотритъ

на нихъ какъ то грубо и деспотично, тогда какъ Вотякъ—отецъ досужее время часто посвящаетъ дѣтямъ и замѣняетъ имъ пьянку. Не даромъ про Вотяка—отца слыветъ анекдотъ, будто бы онъ отъ любви задушилъ въ объятіяхъ своего ребенка: „такъ любилъ, — какъ давилъ, такъ и лопнулъ“, говорилъ будто бы Вотякъ на судѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

III.

Въ то время, какъ Вотячка цѣлый день хлопочетъ съ своимъ хозяйствомъ и выполняетъ часть мужскихъ работъ, каково кормленіе скота, подвозъ сѣна, ѣзда за дровами и проч., флегматическій Вотякъ любить или сидѣть дома безъ дѣла, или же отправляется въ поле или лѣсъ, гдѣ проводитъ большую часть дня, особенно осенью и зимой, отчего хозяйство его и идетъ крайне плохо. Около дома онъ не приглядитъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ грозить серьезная опасность. При томъ онъ плохой плотникъ и иногда по неволѣ сидитъ въ полуразрушившейся избѣ. Вотская нечистота на дворѣ вошла уже въ пословицу; благодарная почва не требуетъ здѣсь удобренія, а потому навозъ не вывозится на поля и грудями валяется по конюшнямъ, двору и околицамъ деревни. Домашнія животныя какъ будто чувствуютъ всю неприглядность хлѣвной обстановки и потому только зимой остаются здѣсь, лѣтомъ же всѣ выходятъ на дорогу, въ самой деревнѣ или же за деревней. Домашнія птицы—гуси и утки—не знаютъ дома все лѣто. Вообще уходъ за домашними животными самый плохой: корму имъ дается мало и не въ пору, а какъ вздумается хозяйкѣ, отчего коровы малодойны, а лошади часто едва передвигаютъ ноги. Смѣшно и вмѣстѣ тяжело бываетъ смотрѣть, какъ Вотякъ, ѣдучи иногда на парѣ гусемъ, успѣетъ пересидѣть, на незначительномъ разстояніи, и на облучкѣ, и на коренной, и на пристяжной, чтобы только какъ нибудь добраться до станицы. Нетерпѣливый пассажиръ наконецъ не выдерживаетъ, разражается бранью на возницу, а тотъ, чуя свою вину, смиренно отвѣчаетъ: „*тико идешь, дальше пойдешь, баринъ*“ и начнетъ усиленно и быстро передергивать вожжами. Сбруя на лошадяхъ достойна своего возницы. Это по большей час-

ти мочальныя веревки, самодѣльныя, связанныя и перевязанныя узлами. Рвутся дорогой эти веревки—Вотякъ спокойно подбавляетъ къ старымъ узламъ новыя; а между тѣмъ даетъ лошадямъ роздыхъ, и выходитъ, что у хитраго Вотяка и волки сыты и овцы цѣлы.

Вотякъ не знаетъ отхожихъ промысловъ, даже въ услуженье идетъ онъ рѣдко, развѣ къ своему же брату—Вотяку. Да и какіе промыслы вынесъ бы тѣлесный и тонконогій Вотякъ! Тяжелый трудъ для него не по силамъ, какъ это видимъ мы на всѣхъ Вотякахъ, быстро хирѣющихъ въ военной службѣ. Ремеслъ онъ никакихъ не знаетъ, даже для домашняго обихода не умѣетъ онъ ничего сдѣлать. Зато въ земледѣліи работа у него спорится лучше, чѣмъ у русскаго крестьянина. У Вотяка не бываетъ недостатка въ хлѣбѣ: въ гумнахъ его можно не рѣдко встрѣтить свирды (*кабаны*) съ хлѣбомъ, уже совершенно побѣлѣвшіе отъ времени. Это оттого, что Вотякъ по различнымъ примѣтамъ своимъ, которыя онъ беретъ съ полета птицъ, съ крика животныхъ, съ лѣсу и воды, заранѣе угадываетъ какова будетъ погода будущей весной и лѣтомъ—тепла или холодна, суха или сыра, потому такъ и подготавливаетъ почву, такъ и разбрасываетъ свои сѣмена и весьма рѣдко обманывается. Выручаютъ вотскія примѣты и русскаго крестьянина; пользуются ими и судовщики и лѣсопромышленники для своихъ выгодъ—и говорятъ спасибо Вотяку.

Вотякъ страстный охотникъ, но не имѣя порядочнаго оружія, онъ до сихъ поръ пробавляется еще тою же дрянью, какою стрѣляли его отцы и дѣды. Впрочемъ и съ этимъ оружіемъ онъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ охотѣ. Дѣло въ томъ, что съ дѣтства здѣсь передается страсть къ ловлѣ птицъ и звѣрей. Мальчикъ лѣтъ 7—8 уже упражняется въ вытаскиваніи птенцовъ изъ заголковъ своей избы и изъ скворечниковъ. Лѣтъ съ 9-ти онъ ходитъ съ отцемъ на охоту въ качествѣ ученика и пособника, гдѣ учится всѣмъ приѣмамъ скрадыванія птицы и схаживанья звѣря и кромѣ того знакомится съ мѣстами ихъ гнѣздъ и логовищъ по слѣдамъ и перелегу. Вслѣдствіе чего и не мудрено, если мальчикъ—Вотякъ нерѣдко тащитъ домой то молодыхъ рябчиковъ и тетеревовъ, то зайчатъ и бѣлокъ. Я самъ видѣлъ какъ два вотскихъ мальчика вытащили изъ подъ прилегающихъ къ землѣ вѣтвей ели одного по одному шесть поч-

ти на взлетѣ молодыхъ тетеревовъ, которыхъ подѣ скрывающими ихъ вѣтвями отнюдь нельзя было замѣтить. Я спросилъ, какъ дѣти напали на ихъ слѣдъ. Оказалось, что съ весны еще они подмѣтили частый перелетъ около этого дерева двухъ старыхъ тетеревовъ и отсюда заключили о близости гнѣзда; остальное сдѣлала вотская настойчивость и ищейскія способности. Послѣ этого не мудрено, если возмужавшій Вотякъ становится вполне хорошимъ охотникомъ. И онъ дѣйствительно настойчивъ, терпѣливъ и ловокъ въ охотѣ. Въ простой походкѣ его уже много хитрости и лукавства; онъ ходитъ какъ то крадучись, избочась и едва поднимая отъ земли ноги; носки его лаптей прежде устравляютъ встрѣтившуюся на пути преграду, а потомъ слѣдуетъ опусканіе ступни. На охотѣ эти качества усиливаются: Вотякъ идетъ съ вами рядомъ и вы не слышите его шаговъ; онъ идетъ, въ камышѣ—вровень съ камышемъ, въ травѣ—съ травой. Едва онъ завидѣлъ издали птицу, какъ вдругъ обратился въ нѣмой столбъ, склонился тихо къ травѣ и поползъ какъ кошка. Сначала еще видишь, какъ по направленію его слѣдовъ склоняется травка по травкѣ, но потомъ исчезъ и этотъ слѣдъ присутствія живой души—до тѣхъ поръ, пока не услышится вдали глухой звукъ его *пищали* и паденіе на землю убитой птицы. Теперь онъ вынырнулъ изъ травы, но для того только, чтобы подобрать дичь, выслѣдить направленіе полета спуганной птицы, а потомъ снова погрузился туда. Долго иногда ползаетъ такимъ образомъ Вотякъ и презираетъ при этомъ всѣ встрѣчающіяся неудобства—купанье въ лужахъ, перелѣзаніе черезъ пни и колоды и пр., бывали случаи нерѣдко и такого увлеченія и страсти, что охотникъ по двое сутокъ бродилъ по лѣсу безъ пищи и возвращался домой голоднымъ, изнуреннымъ и изцарапаннымъ, но за то съ полнымъ пестеремъ набитой птицы.

Вотякъ—охотникъ хорошо подражаетъ крику и писку птицъ и кромѣ того запасается дудками и свистушками для рябчиковъ, тетеревовъ и утокъ. Съ этими орудіями и приманками охота представляется уже совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ—это охота благодарная и неизнурительная, хотя и исключительная, потому что бываетъ только въ извѣстное время года. Всталъ Вотякъ за дерево и началъ пицать,

и дичь летить прямо подь выстрѣлъ. Особенно много быють Вотяки такимъ образомъ рябчиковъ.

Изъ другихъ способовъ добыванія птицы между Вотяками самый распространенный—*силки*. Для этого выбирается гдѣ нибудь, по большей части на опушкѣ лѣса, сухое безъ листьевъ дерево; на одну изъ горизонтально простертыхъ вѣтвей этого дерева набиваются силки изъ конского волоса (затяжные петли). Въ концѣ соединенія этой вѣтви со стволомъ привязывается кисть рябины, калины или другихъ какихъ нибудь ягодъ. Когда рябчикъ или тетеревъ, сѣвши на вѣтку, побѣжитъ къ рябинѣ, то непременно зацѣпится головой или ногой въ одинъ изъ силковъ и затянеть петлю, откуда уже не можетъ вырваться. Вотякъ равно утромъ идетъ и обираетъ дичь.

Изъ мелкихъ звѣрей Вотяки охотятся за бѣлкой и зайцемъ, хотя быють нерѣдко и лисицъ и куницъ. Охота эта начинается съ осени и продолжается до весны. Вотякъ бьетъ звѣря изъ ружья и ловить въ *капканъ*. Въ первомъ случаѣ онъ выходитъ на охоту съ до крайности изнуренной собакой, которая хорошо выдресирована для охоты подобнаго рода. Малоцѣнные сами по себѣ заяцъ и бѣлка не позволяютъ Вотяку много тратиться на порохъ и свинецъ, потому онъ ухитрится бить ихъ при помощи миниатюрнаго заряда, заставляющаго иногда взлѣзать на дерево, чтобы сбѣлать прицѣлъ въ 2—3 саженьяхъ. Свинецъ онъ послѣ вынимаетъ изъ убитаго звѣря. Кстати при этомъ сказать, что охотникъ крайне затрудняется здѣсь въ полученіи пороха по номинальной цѣнѣ и получаетъ его изъ вторыхъ рукъ, но уже вдвое дороже. Нѣкоторые изъ Вотяковъ дѣлають такъ: они заручаются въ городѣ какимъ нибудь вліятельнымъ лицомъ, для котораго полученіе пороха не затруднительно, и дѣлаются его поставщиками относительно дичи. Въ этомъ случаѣ и Вотякъ остается въ выгодѣ, да и доставляющій ему порохъ кушаетъ рябчиковъ и тетеревовъ слишкомъ дешевыхъ.

Капканы разставляютъ Вотяки довольно удачно. По набѣганному слѣду они вѣрно угадываютъ, когда и по какому направленію пойдетъ звѣрь, а потому какъ разъ устроятъ ему засаду. При этомъ, впрочемъ, бывають и такіе случаи: въ капканъ, поставленный для мелкаго звѣря, вдругъ забредетъ медвѣдь или волкъ и унесетъ капканъ.